

Касьян Нави

Апелляция
к смерти

Касьян Нави

Апелляция к смерти

«Автор»

2026

Нави К.

Апелляция к смерти / К. Нави — «Автор», 2026

Мирра только сдала экзамен и собиралась немного отдохнуть перед тем, как с головой окунуться в будни помощника юриста в какой-нибудь средней паршивости конторе. Нырять ей пришлось в совершенно иные условия - стать делопроизводителем у самой Мораны, богини смерти. Карьера обещала стать весьма захватывающей, учитывая, что главный босс - Кощей - не скрывает своей неприязни к девчонке. Тут еще, как назло, умудрилась влюбиться. Когда не успела разлюбить. И в какую сторону воевать? Строить отношения с бессмертным навком? Дать шанс вполне смертному парню? Или утереть нос дохлому выскочке, возомнившим себя лучше остальных только потому, что он какой-то там древний Бог?

© Нави К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Касьян Нави

Апелляция к смерти

Глава 1

Пошло всё в жопу – я свободна. Никаких больше лекций, семинаров и абсолютно конченного старого извращенца Каримова. Назло мудаку – пришла в самом пуританском наряде из всех, что смогла только отыскать. И сдала. Так что – пошло всё.

И пусть эта свобода продлится всего несколько недель, пока я не найду какую-нибудь контору, где уже другой, но точно такой же мудак-извращенец будет практиковать свои тупые шуточки в мою сторону. Это будет после.

Я стояла в тамбуре электрички, выбрав прокуренный до невозможности воздух вонючего вагона. Июнь. Ароматы потных пассажиров нежно переплетались с нотками одеколона «Гвоздика», каким из ведра – не иначе – поливали себя труженицы-дачницы. Для полноты картины в общий этюд были добавлены смрадная вонь нестиранных пуховиков людей без совести и прописки и их же перегарное дыхание.

На станции я не вышла из вагона – вылетела. Второй раз за день ощутить себя свободной от кажущейся нескончаемой муки было восхитительно. Даже турникет, который абсолютно всегда заедал, не испортил настроения – я просто толкнула его бедром и упорхнула в сторону дома.

Мимо «Магнита» проскочила быстро. Не хватало еще, чтобы Андрей меня заметил. После не самого нежного расставания этот нудный перфекционист каждый раз старался подловить меня, идущую со станции. Чтобы в очередной раз объяснить – работа кассира есть ничто иное, как подготовительный этап к его умопомрачительному росту. И, нет, я ничего против кассиров не имела. Тут мне ничего не пришьёшь. Нормальная работа. Но этот же всё время меня убеждал в исключительности не только его самого, но и нашего союза. Дёрнуло же дуру начать встречаться с ним. И это еще полбеды. Не бросить его на протяжении полутора лет – вот, что в самом деле было подвигом.

Мимо автомойки с выцветшей вывеской пришлось пройти гордо. Небрежной такой походкой, совершенно никого вокруг не замечая – и в особенности не замечая Илью. Пусть, сволочь, локти кусает.

Жара была уже настоящая, не утренняя. Асфальт мягкий, воздух тяжёлый. Я заскочила в магазинчик тёти Раи.

– Здасьте, – я помахала рукой несколько активнее, чем хотела. Вышло как-то совсем уж по-детски. – А можно чего-нибудь холодненького попить?

– Ну, это глянуть надо, – тётя Рая грозной тучей двинулась на меня – на счастье, нас разделял прилавок. – Сдала?

– Иначе бы не заходила.

Женщине потребовалось несколько секунд на осмысление услышанного.

– Молодчина! – она хлопнула в ладоши и тут же выудила из холодильника банку фанты зеро. – Держи, худосочная. Отец знает?

– Нет ещё, – я схватила пущенный мне прямо в голову газированный снаряд в алюминиевой обёртке, – хочу не по телефону. Чтоб реакцию увидеть.

Тётя Рая переменилась в лице, и перемена эта мне как-то не особо понравилась. Такие перемены – особенно на таких лицах – ничего хорошего обычно не сулят.

– Палыч тут – она запнулась, тряхнула головой и исправилась, – Егор Палыч тут заходил. Ты сама знаешь, он мужик нормальный. Слова попусту не бросает.

И вновь она решила меня на прочность проверить – замолчала на добрых полминуты, прежде чем продолжить.

– Говорит, отец твой два раза уже со смены раньше положенного уходил. Никто ничего не знает особо, но Палыч скорую видел у завода.

Настала моя очередь стоять и молчать. Если на лице Раи в те моменты читалась строгая сосредоточенность, на моём – глуповато хлопающие глаза вкупе с едва приоткрытым ртом.

– Да ты раньше времени-то не того, – спохватилась женщина, – ты попей давай! А то всблещула совсем.

До дома я дошла на автомате. Но довольно скорострельном: ноги переставляла так, что ходьбой это звалось лишь формально. Фактически же – я бежала.

Наш двор – две одинаковых девятиэтажки буквой «П». Между ними – парковка, три тополя и скамейка. Одна на всю округу – место обитания смотрящего за районом. Смотрящей. Фёкла Моисеевна – настоящий кладёз секретных знаний о каждом, кто проживает в обоих домах. И упаси Господь ей дорогу перейти – у участкового проще самой прописаться, чтобы избавить того от ежедневных прогулок до твоей квартиры.

Ключ, естественно, бесследно пропал в недрах сумочки. Искать его сейчас означало только лишние минуты представлять всё самое ужасное, что уже наверняка случилось с отцом. Я набрала код на домофоне – 312*В, он не менялся с две тысячи какого-то там года.

В подъезде было вымыто, хотя ещё утром воняло кошками. Лифт не работал, не стоило и проверять. Я летела по ступенькам, перемахивая через одну, хватаясь за перила, чтобы бежать ещё быстрее. Третий этаж. На втором чуть не влетела в мусорные мешки – Колесниковы вечно выставляли их за дверь на радость соседям.

Перед дверью с цифрой «47» я остановилась.

Облупившаяся семёрка держалась на одном гвозде и смотрела чуть вбок. Я сколько себя помню собиралась её поправить – но так ни разу и не поправила.

Из-за двери пахло жареной картошкой.

Я с облегчением выдохнула. К ароматам и тихому далёкому шкворчанию прилагался басистый напев какой-то допотопной мелодии папиных времён.

Можно было спокойно отыскать во всепоглощающей сумочной бездне ключи от квартиры, хотя бы для собственного умиротворения. Не хотелось бы вновь из-за своей рассеянности менять в дверях замки. Двух раз за полгода – достаточно.

Миссия оказалась не из простых, но я справилась.

В коридоре было тесно: вешалка с папиными куртками, полка с его ботинками, стопка книг на полу, которую он собирался разобрать года три. Я сняла кеды, поставила пакет с подавленным тётей Раей шампанским.

«Воровать – так миллион. Коль любить – так уж богиню».

Эта надпись, сделанная моей матерью прямо на обоях под зеркалом, была единственным моим знанием о ней. И папино «она была совершенство». Судя по оставленному ею посланию – оба родителя сходились в этом мнении.

Отец не смел, и никому не позволял трогать надпись, даже во время ремонта. Новые обои шли вплотную к буквам с обеих сторон.

– Можешь принять душ пока, – раздался крик папы с кухни, – У меня тут всё еще в процессе. Absit omen.

Я, конечно, его не видела в момент произнесения последней фразы – уверена была, что он взметнул рукой с лопаткой вверх.

– Хорошо, пап, – сопротивляться походу в душ не было смысла. – Я быстро.

Кайф. Это был чистый кайф. Я несколько минут просто стояла под прохладными струями душа и ни о чём не думала – имела право.

Он стоял у плиты в синем фартуке. Я подарила его классу в шестом. Точно уже не скажу, но точно помню, как я собой гордилась тогда. Ведь с тех пор папа не портил свои майки и рубашки брызгами масла, которого никогда не жалел во время жарки или скорее даже варки еды.

– Садись, – сказал он, не оборачиваясь. – Уже накладываю.

Я села на своё место – слева, у окна. Отсюда было видно кормушку на дереве. И ряды гаражей – их тыл. А самое интересное происходит всегда именно «за» гаражами.

Папа переложил картошку на тарелку, поставил передо мной.

Я внимательно всмотрелась в него.

– Ты серый.

– Загар такой, – сказал он.

– Пап.

– Ешь.

Я взяла вилку. Картошка была с луком и укропом, как всегда. Он умел делать ровно три блюда – картошку, борщ и яичницу. За двадцать два года я не устала ни от одного.

Папа достал из холодильника огурцы, хлеб, поставил на стол масло. Сел. Стал смотреть, как я ем.

– Ну, – сказал он наконец.

– Сдала.

– Это-то я понял. Как?

– Нормально. Преподаватель смотрел на меня самым презирающим из всех своих заготовленных взглядов. Но там еще Савельев был, потому всё прошло нормально.

– Это который?

– Которому ты с машиной помогал.

Папа хмыкнул.

– А. Тот. Занятный такой старикашка.

– Он твой ровесник, вообще-то.

– Здорово его, значит, жизнь потрепала. Errare humanum est.

Я усмехнулась.

– Один раз только учебник забыла.

– И видишь, как хорошо всё получилось. Мне теперь не так скучно в кабинете для раздумий сидеть.

Он взял огурец, откусил, пожевал.

– Iuris prudentes, – сказал он.

– Лучшие места для вставки не нашёл?

– Не удалось, – он не улыбнулся, но глаза чуть сощурились. – Красиво звучит.

– Ты единственный человек, который так думает.

– Так сейчас вообще мало кто думает, – папа сказал это без злости, просто констатировал.

– У меня новичок вот третий раз накладные путает. Я ему объясняю, он кивает, потом снова.

– Как он вообще держится на заводе?

– Работает шкет хорошо. Руками. Голова пустая – рукам не мешает. Начальство довольно.

Я налила себе воды из кувшина. Папа встал, поставил чайник.

– Ты надолго? – спросил он, не оборачиваясь.

– Не знаю. На выходные хотя бы.

– Хотя бы, – повторил отец.

За окном банда ребятишек гонялись друг за другом меж гаражей. Частью уже скакали по крышам. Я тоже так бегала. Эх и злила же я этим папу. Он ругался – я скакала дальше

с мальчишками. Он всё грозил, что я навернусь с гаража вниз башкой – я не верила. Папа оказался прав, а я провела неделю в больнице вместо скучных уроков. Все в выигрыше.

– Резюме уже рассылала? – спросил он.

– Завтра начну.

– Куда думаешь?

– Пока не знаю.

– Найдёшь, – словно заколдовывал он. – Ты упрямая.

– Это комплимент такой?

– Это факт. Бесспорный.

Чайник закипел. Он заварил чай – в старой кружке с отбитой ручкой, которую я пыталась выбросить года два назад. Он достал её из мусорного ведра и поставил обратно на полку. Без объяснений.

Мы пили чай и молчали. Каждый о своём.

– Пойду, вздремну, – его голос мне показался странным. – Ночью почти не спал. Жарища.

– Иди. Точно всё нормально?

– Нормально.

Он встал. Потом остановился в дверях.

– Мирра.

– Что?

Он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, едва склонив набок голову.

– Рад, что приехала.

Я слышала его шаги по коридору. Потом тишину.

Потом звук – глухой, короткий.

Тело среагировало быстрее мозга. Я выскочила в коридор и увидела, что папа лежал у кровати в своей комнате.

Всё происходящее дальше как-то слилось воедино в сознании. Я замерла в коридоре, но одновременно стояла на коленях рядом с ним и трясла за плечо. Говорила что-то, наверное, звала его, наверное, громко.

Я нашла телефон. Набрала скорую. Голос в трубке был спокойный – говорил чётко, медленно. Это помогло собраться. Я отвечала. Что-то отвечала

Потом почувствовала холод.

Не сквозняк – нечто иное. Он налетел резко, как будто кто-то рядом со мной открыл морозильник. Я обернулась.

В углу комнаты стоял человек.

Я не слышала, как он вошёл. Не слышала хлопка двери, шагов – ничего. Просто секунду назад его не было – и вот он есть. Стоит у полки с книгами, смотрит на папу. Не на меня.

Высокий. Тёмное пальто, не по сезону. Волосы чёрные, чуть влажные – что странно, ведь за окном светило солнце. Лицо – я видела его в профиль: скулы, прямой нос. Молодой.

В руках у него ничего не было.

– Эй, – сказала я.

Он обернулся.

Мы смотрели друг на друга.

Я не знаю сколько это длилось. Секунду. Может, две. Его глаза были тёмные – не карие, именно тёмные, почти без цвета – и в них было что-то, что я не смогла правильно охарактеризовать. Не удивление. Что-то глубже удивления.

Он смотрел на меня так, будто я была чем-то невозможным.

– Ты кто? – чуть не заорала я. – Ты из скорой?

Он не ответил.

– Чего молчишь-то?!

Что-то в его лице изменилось. Теперь он смотрел на меня с неподдельным интересом.
– Помоги же! – взмолилась я. – Моему папе плохо!

Он посмотрел на папу, потом снова на меня. Сделал шаг назад к стене. И исчез.

Не ушёл. Не вышел в дверь. Просто – исчез.

Я смотрела на то место, где он был. Папина полка. Светоний, Тацит, потрёпанный Булгаков. Всё на месте. Никакого человека.

Приехала скорая.

Фельдшер был молодой. Он вошёл, присел рядом с папой, сделал, что положено. Потом встал и посмотрел на меня.

– Когда это произошло?

Я сказала. Он кивнул. Записал что-то.

– Нужно вызвать полицию. Это стандартная процедура, вы не переживайте.

Я не переживала. Я вообще не очень понимала, что делаю – сидела на краю кровати, смотрела на папины ботинки у двери. Он всегда ставил их носками к стене. Не знаю, почему.

Полиция приехала через какое-то время. Один был пожилой, усталый, двигался по квартире аккуратно. Спрашивал – я отвечала. Хронические заболевания, наблюдался ли у врача, были ли посторонние. На последнем вопросе я замолчала на секунду.

– Нет, – сказала я неуверенно.

Они ходили по квартире, говорили между собой вполголоса, что-то заполняли. Я сидела на кухне. Кружка с недопитым чаем стояла на столе – папина, с отбитой ручкой. Я не убирала.

Потом приехали ещё какие-то люди. С носилками. Они были деловитые и тихие. Заходили, делали своё, не смотрели на меня лишний раз. Я вышла в коридор.

Папу увезли только поздним вечером.

Я закрыла за ними дверь.

Постояла в коридоре. Вешалка с куртками, полка с ботинками, стопка книг на полу. Надпись на стене.

«Воровать – так миллион. Коль любить – так уж богиню».

В квартире было тихо. Я не знала раньше, что тишина бывает такая разная. Прошла в комнату. Села на пол у кровати. Светоний с потрёпанной обложкой смотрел с полки сочувственно.

Я сидела и ждала слёз. Они не приходили, что в любом случае странно. Я знала, как это должно быть: человек узнаёт, что-то внутри ломается, и слёзы начинают литься сами. А у меня – ничего. Просто сидела и смотрела в пустоту перед собой.

«Надо кому-то позвонить» – мелькнуло в голове. Надо. Наверное. Только я не знала, кому. Друзья отца с завода – я помнила их в лицо, но не знала номеров. Родственников у нас не было. Вернее, они где-то были, но папа с ними не общался, а я – тем более. Вроде кто-то даже в Австралии жил. Или в Австрии... Наверное, всё же, в Австрии логичнее.

«Надо что-то поесть» – возникла из глубины сознания вторая мысль. Надо. На плите осталась картошка. Я её так жарить не умею. Никто не умеет.

Завтра нужно будет куда-то звонить – в морг, в какую-то контору, наверное, в ЗАГС. Я юрист, должна знать, как это делается. Но я не знала.

Я подумала, что папа так и не узнал, что я сдала экзамен.

«Узнал!» – поправила я себя. Узнал. Сидел напротив, смотрел как я ем, говорил: «Iuris prudentes». Знал. Просто теперь это было четыре часа назад и одновременно в какой-то другой жизни.

Слёзы всё не шли.

Я разозлилась на себя – негромко, устало. Встала с пола. Колени затекли – я не заметила, как долго сидела.

В коридоре было темно. Я дошла до вешалки, постояла. Папины куртки висели как всегда: серая, синяя, старая кожанка, которую он не выбрасывал лет пятнадцать. Я потрогала кожаный рукав и едва не пустилась в воспоминания.

Но холод пришёл раньше, чем я успела что-то понять. Тот самый.

Я медленно обернулась.

В комнате отца горел свет, хотя я не помнила, что включала. В дверном проёме был виден угол кровати и он. Стоял спиной ко мне. Тёмное пальто. Чёрные волосы. Неподвижный.

Я смотрела на него секунду: решение пришло как-то внезапно. Словно озарение. Не знаешь ответа на сложную задачу, мучаешься годами над ней, голову ломаешь, а потом – бац, и всё становится яснее ясного.

Пакет с игристым всё так и стоял у входной двери. Бутылка была с толстым стеклом, тяжёлая. Я достала её, не торопясь – горлышко приятно легло в ладонь.

Я вошла в комнату.

Незванный гость не обернулся.

Стоял у места, где умер папа, и смотрел куда-то вниз. Я подошла сзади. Он был высокий – на голову выше меня, может больше, а ведь и я на рост никогда не жаловалась.

– Эй! – сорвалось с моих губ.

Парень начал оборачиваться. А я размахнулась что есть силы и опустила бутылку ему на голову.

Звук был такой, что я зажмурилась. Стекло разлетелось с хлопком. Шампанское хлынуло вниз по тёмному пальто, по моей руке, на папин паркет.

Гость шатающейся походкой сделал два несмелых шага, а затем осел. Сначала на колени, потом на бок. Пальто растеклось вокруг него тёмным пятном.

Я стояла над ним, крепко сжимая оставшееся от бутылки горлышко. И теперь позволила себе испугаться. Ноги задрожали с такой силой, что я сползла вдоль стены, ошарашенно глядя на картину перед собой.

А потом, наконец, заплакала.

Глава 2

– Очнулся, мудак, – сухо произнесла я, не сводя с незнакомца взгляда.

Мудак, как я его ласково окрестила, приходил в себя постепенно. Оно и понятно – бутылка оказалась крепкая. Не будь я перепугана до чёртиков – может, и не смогла бы с одного удара разбить.

Сначала изменилось его дыхание – стало глубже, ровнее. Потом дрогнули пальцы. Слишком длинные и ухоженные, чтобы принадлежать маньяку, но маньяков мне видеть не доводилось, а потому – протест отклонён.

Я сидела на полу в двух шагах от него, обхватив колени руками, и наблюдала. Ждать я умею. Четыре года юрфака – это годы ожидания чего угодно от кого угодно.

Потом он открыл глаза.

Несколько секунд просто лежал и смотрел в потолок. Потолок у папы был самый обыкновенный – побелка, одна трещина наискось, которую папа собирался заделать примерно столько же, сколько разбирал книги на полу. Не знаю, что незнакомец рассчитывал там найти.

Потом он повернул голову.

Мы смотрели друг на друга.

– Доброе утро, – сказала я бесцветно.

Он промолчал. Попробовал пошевелиться – и обнаружил, что руки у него связаны за спиной. Я использовала папин ремень и, на всякий случай, скакалку, которую нашла на антресолях. Скакалка была ещё из моего детства – выцветшая с потрескавшимися ручками, но прочная, как мне хотелось думать.

– Ну началось, – выронил из себя этот гад, – Ты меня связала.

Голос был низкий. Если бы мне приходилось когда-нибудь общаться с существами inferнального происхождения – уверена, у них точно был такой голос.

– Плюстик тебе за наблюдательность, – согласилась я. – Кто ты?

Конечно – так он и помчался рассказывать всю правду о себе и цели своего визита. Размечталась. По-видимому, решив окончательно меня выбесить, парень замолчал и начал осматривать комнату оценивающим взглядом. Я так и представляла, как он в заключении поставит мне оценку за чистоту, дизайн и эргономику помещения. Потом нахал наконец взглянул на меня.

– Пусти, – он сказал именно «пусти», что мне сразу же показалось странным.

– Ага. Ща.

– Это не просьба.

– Это, – я указала пальцами на своё лицо, – мне пофиг. Ты ко мне в дом вломился.

– Так вызови полицию.

Мне даже пнуть этого урода захотелось, но приближаться к нему, находящемуся в сознании, я не собиралась.

– За дуру меня держишь? Ты из стены вышел, а потом туда же вошёл. Я бы священника позвала, но боюсь среди ночи всех проституток звонком перепугаю.

Что-то в его лице изменилось – едва заметно. Или мне показалось

– Стало быть, ты понимаешь, кто я? – спросил он, прищурившись.

– Не-а. Понятия не имею, что ты за хрен такой, – хмыкнула я, признаваясь. – Именно поэтому ты пока в горизонтальном положении. Как только объяснишь – пересмотрим условия содержания. Возможно.

Незнакомец закрыл глаза. И это выглядело так театрально, до безобразия – мол, достала меня эта девчонка своими тупыми условиями. Без преувеличений – это было максимально

неприятно. В какой-то степени даже оскорбительно. Подобное поведение своих пленников я терпеть была не намерена.

И когда мой праведный гнев с ноги готов был вырваться чрез ротовую полость самым отборным дворовым слогом – мой гость соизволил обронить одну фразу:

– Меня зовут Вран.

– Бран? Как в «Играх

– Вран. Как «Вран».

– Чего за имя такое?

– Славянское.

– Только что придумал? – я усмехнулась, стараясь прочитать по глазам гостя, не врёт ли он. – Или нарочно старался выбирать себе погоняло покруче?

– Родители выбирали. Не я.

– И как тебе в школе жилось с таким последствием родительской оригинальности?

– А тебе? – непроницаемое лицо Врана на секунду изменилось, и он злобно зыркнул на меня. Достала-таки. – Тебе нормально было?

– А чего такого? – я иронично подняла уголок губ. – Сейчас Миррой никого не удивишь. Ваню встретить сложнее, чем Добромысла. Но чтобы Вран

– Пусти, – вновь вернулся к исходному связаный воронёнок.

– Как только ты постарайся объяснить, как человек может выйти из бетонной стены, а потом обратно в неё войти.

Вран себе не изменял. Опять глазёнки закрыл с самым усталым видом. Паузу выдержал такую, что я успела подумать: может, он снова потерял сознание. Я ж его, как-никак, бутылкой шампанского обрадовала в голову. Но нет. Просто молчал. Пока не разродился решением повернуть в мою сторону свою черноволосую голову.

– Ты не поймёшь.

– Попробуй, – предложила я. – Я способная. Теорию государства и права смогла понять.

И опять в его взгляде я увидела эту вселенскую усталость. Ну просто мученик на полу связан – не меньше. Лежит и сносит смиренно издевательства изуверки.

– Ты и не должна этого знать. – зашёл с другой стороны Вран.

– Ксавьер заругает? Или Гесер пальчиком погрозит? Хватит! – я поднялась на ноги с чётким для себя решением, что обязательно сейчас пну этого козла по рёбрам. – Выкладывай давай! Что это такое?

– Я забираю души. – сдался мой неожиданный визитёр.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. В его взгляде читались всё те же многострадальные мотивы. А я мучалась выбором – отходить этого шутника по рёбрам или для начала хорошенько двинуть промеж ног.

– Вран, значит. – прорычала я. – Души забираешь.

– Да.

Я не смогла сдержаться и всё же пнула его. Легонько. Даже немного боязливо, но ощутило.

– Чего я такого сказал? – на лице Врана так правдиво нарисовалась смесь удивления с обидой, что мне стало не по себе.

– Ворон! Вот чего! – выпалила я, но уже не так уверенно. – Мог бы пооригинальнее что-нибудь придумать, гений.

– Да о чём ты? – мордашка юноши подозрительно долго держала маску искреннего непонимания.

– О кино. – теперь, я сама слышала, уже мой голос излучал неуверенность. – Ворон.

– Старый? – с каким-то вызовом поинтересовался Вран.

– Относительно, – я пожала плечами, – В девяностых сняли.

– Чучело.

Меня как холодной водой окатили. Забрало упало – я вновь готова была крушить рёбра наглеца в пыль.

– Кто? Я? А ну-ка слушай меня

– Фильм, – Вран немного поёрзал, занимая положение поудобнее, – в «Шипке» смотрели. Вот это фильм, конечно. Шок. Больше фильмов мне посмотреть не довелось.

Забрало пришлось поднять. Переработку костей в пыль – отложить.

– А чего так? – как можно осторожнее спросила я, в принципе, уже предугадывая ответ.

– В 1986 меня убили.

– Ну, естественно, – я по-дурацки закивала головой, – Как же я сразу-то не догадалась? Всё ж на поверхности. И ты?

– Пришёл сопроводить твоего отца, – Вран впервые за это время улыбнулся. И мой видок, скорее всего, стал причиной такой радости.

– Мне надо поесть, – решила для себя я и тут же озвучила эту мысль. Бодро похрустывая коленными суставами, я покинула комнату папы.

На кухне осталась картошка. Я поставила сковородку на огонь, не особо думая зачем – просто надо было что-то делать руками – хотя я обожала её холодную. За окном тополя стояли в полном июньском самодовольстве.

Картошка зашкворчала.

Я нашла стакан, налила воды. Подумала. Налила ещё один. Вернулась в комнату.

Вран успел занять сидячее положение. Всё еще связанный. Спина к стене, руки сзади. При моём появлении не шевельнулся – только глаза переместились в мою сторону.

Я поставила воду на пол перед ним.

– Пить будешь?

Он посмотрел на стакан. На меня. На стакан.

– Я несколько ограничен в движении.

– Не умничай, – огрызнулась я и поднесла воду к его лицу. – Значит, ты пьешь.

Я села напротив, на папин стул. Мне сложно было представить еще более неудобную мебель, но папа был категорически против транспортировки этого деревянного кошмара в сторону помойки. Теперь против буду я.

– А чего свой фокус и исчезновением не проворачиваешь?

– Ты не пускаешь.

– Я?

– Вне всяких сомнений.

– А как? Не ремнём же со скалкой?

– У меня нет ответа на этот вопрос.

Я закинула ногу на ногу и стала подёргивать стопой. Папу это жутко раздражало, а мне всегда помогало собраться с мыслями.

– Ты ангел смерти?

Вран поморщился.

– Нет. В нашем филиале

– Где? – вырвалось неожиданно даже для меня самой.

– В филиале, – с абсолютным спокойствием повторил Вран, – у нас за сопровождение душ навки отвечают. Такие, как я.

– А в других, прости Господи, филиалах?

– Валькирии, хароны, акены, – навк пожал плечами, – всё от региона зависит.

Я набралась решимости и задала вопрос, ответ на который так жаждала и боялась услышать одновременно.

– Ты же можешь вернуть моего папу? Поместить его душу обратно в тело.

- Нет. – не стал даже выждать с ответом Вран. – И никто не в силах.
- Ты уверен?
- Да.

Ответ был неприятным, но вполне предсказуемым. Руки предательски дрогнули, однако я еще ночью пообещала себе хорошенько проплакаться уже после решения проблемы с гостем.

- Ещё вопрос, – продолжила я. – Куда ты его забрал?

– Я не успел.

- Что значит не успел?

– Ты меня вырубил, – сказал он. Без обвинения в голосе – просто озвучил факт.

Я обдумала услышанное и, на всякий случай, оглядела комнату.

- То есть он сейчас где?

– Ждёт.

- Где ждёт?

– Не здесь, – Вран словно услышал мой мысленный вопрос и продолжил. – Ты бы увидела его. Раз ты видишь меня. И – нет. Я понятия не имею, почему ты меня видишь. Такое в моей практике впервые.

Картошка на кухне начала пригорать – я это почувствовала по запаху, но не встала.

- Ему там хорошо? – спросила я.

Вопрос вышел тише, чем я хотела. Я не планировала его задавать. Сам вырвался.

- Я бы предпочёл пожить, – не прямо, но совершенно понятно ответил навк.

Я кивнула.

Встала. Пошла на кухню. Сняла сковородку с огня. Картошка пригорела по краям, но в середине была ещё ничего. Я переложил на тарелку, вернулась в комнату.

- Ты собралась меня кормить? – Вран усмехнулся чему-то.

- А искупать тебя не надо? – пробурчала я. – Это не тебе.

Я села обратно на стул. Взяла вилку. Стала есть – медленно, без аппетита.

- Ты будешь так сидеть? – спросил Вран.

- Пока не решу, что с тобой делать – да.

- И сколько это займёт?

– Не знаю, – призналась я. – Никогда раньше не решала, что делать с существом непонятной природы, которое пришло забрать душу моего отца. Как-то не доводилось.

Пока я уминала жаренный корнеплод, пленник безропотно наблюдал. Я не была любительницей того, как кто-то заглядывает мне в рот, пока я ем. Мои попытки приучить папу к просмотру сериалов во время еды плодов не дали – он был упёртым ценителем семейных бесед за обедом. Зато в общежитии, а потом и на съемной квартире я с радостью заглушала ситковыми чавканье соседки и своё собственное.

Сейчас же мне было совершенно плевать. В итоге крахмал, канцероген и жирные кислоты в огромной дозе устремились к моим бокам, а пустая тарелка стала символом моей решимости.

Походкой команданта я дошла до раковины, опустила в неё тарелку, затем вернулась в комнату и остановилась в дверях.

- Затекло? – спросила я.

Вран немного прищурился.

- Что?

- Руки. Затекли?

- Да.

Я подошла. Присела на корточки перед ним. Надо было, конечно, развернуть его – так было бы удобнее и не пришлось бы склоняться так близко к бледному лицу.

- Может я? – начал он.

- Заткнись и не мешай, – я даже слегка боднула его головой, чтобы он отклонился.

Я работала. Ремень расстегнула – он не был завязан, просто продет хитрым образом. Осталась скакалка. Я тянула узел, пальцы соскользнули – и я непроизвольно подалась вперёд, полностью прижавшись к Врану. Секунду. Не больше.

Он не пошевелился.

Но я почувствовала, как он замер – перестал дышать на это мгновение. А от его тела по-прежнему тянуло холодом – ровным, постоянным. Только сейчас этот холод почему-то не казался неприятным. Июнь, духота, я не спала нормально – холод был почти хорош.

Скакалка поддалась.

Я встала. Отошла на шаг.

Он медленно вывел руки вперёд. Посмотрел на них – на запястья, где остались следы от пут, пошевелил пальцами. Потом поднял глаза на меня.

– Спасибо, – сказал он.

– Какая прелесть. Пленный благодарит пленителя за освобождение. Вот это я понимаю – культура принятия.

Он встал. Медленно – сначала на одно колено, потом поднялся в полный рост. Выпрямился. В небольшой папиной комнате он был слишком высоким – почти под потолок, и пальто на нём было мягкое, и на затылке запеклась кровь. И пахло от него шампанским и чем-то... отставить, леди!

Я даже захотела себе пощёчину вклепить, но это было бы уже слишком эксцентрично.

– И что теперь? – с деловым спокойствием поинтересовалась я.

– Мне нужно доложить.

– Кому?

– Наверх.

– И что ты им скажешь?

– Правду, – сказал он. – Что произошла аномалия. Что простая смертная наложила на меня путы. Что ты меня видишь.

До меня как-то поздновато стали доходить детали всего произошедшего.

– И что сделают?

– Я не знаю, – Вран так посмотрел на меня, что всё внутри похолодело. – Про такое и я-то слышу впервые.

Я хотела еще спросить но навк просто исчез. Без эффектов – вот он стоял передо мной, а в следующее мгновение его уже нет.

Теперь мне можно было спокойно горевать. До той минуты, когда за мной явится загробная служба безопасности с предложением досудебного урегулирования.

Глава 3

Будильник я не ставила. Забыла поставить, если быть совсем уж откровенной. Последние дни я демонстрировала чудеса рассеянности.

Проснулась в шесть утра – как будто и не спала вовсе. Лежала на диване в гостиной и смотрела в потолок. За окном уже было светло.

Надо вставать.

Я лежала. Изучала узоры на потолке. В какой-то момент все поголовно стали лепить эти уродливые белые квадраты из пенопласта. Я протестовала с такой яростью и готовностью пойти до конца, что папа был вынужден надругаться над эстетикой в моё отсутствие. Узоры на этих квадратных кошмарах могли вогнать в депрессию любого, у кого есть хотя бы зачатки вкуса.

Встала.

В ванной горел свет – я забыла выключить ночью. Или не ночью. Я не очень помнила, как добралась до дивана. Не давали покоя постоянные гости, желающие выразить сочувствие. И чем чаще я слышала слова поддержки, тем больше мне становилось.

Я умылась. Под глазами расплескались черно-синем морем два здоровенных мешка – они там начали образовываться еще на этапе подготовки к экзаменам. А тут им просто дали зелёный свет. Ничего. После разберусь

Чёрного у меня было мало – всё больше светлых вещей, серых. Но нашлись старые джинсы, тёмно-синяя блузка. Я повертела её в руках – сойдёт. Папа не стал бы придираться к цвету.

Папа вообще никогда не придирился.

Я оделась. Взяла туфли – единственные мало-мальски подходящие, с небольшим каблучком. Надевать не стала, оставила у двери.

Чайник закипел. Я автоматически достала две кружки – поставила на стол, потянулась за чаем – и остановилась.

Две кружки.

Я зависла. Точно сказать сложно, но какое-то время я просто пялилась на них. Потом взяла одну и поставила обратно на полку. Медленно, аккуратно – не уверена была, а правильно ли я всё делаю. Поставила. Отвернулась.

Чай пила стоя, у окна. Без сахара – папа всегда клал два куска, я – никогда. Отец называл это «глупостями модными», я же просто вычитала про вред сахара. Настолько ли он ужасен – в подробности я не вдавалась. Просто одним днём вычеркнула белую отраву из своего рациона. Насколько это вообще возможно, естественно. Папа же, порой демонстративно, брак кусок рафинада и начинал его рассасывать.

Теперь не поспорим.

Надо было что-то съесть, я это понимала. В холодильнике одиноким самураем дежурил огурец. Видок у него был тот еще. В компанию ему – половинка спреда, придуряющаяся настоящим маслом. И партизанским отрядом в лотке укрылись три яйца.

Я закрыла холодильник. Нечего такую картину портить.

Утреннее солнце лежало на паркете папиной комнаты длинной полосой – от окна до середины комнаты. Кровать была застелена. Я застелила её вчера, уже после того, как всех выпроводила. На том месте, где лежал папа – у кровати, на паркете – ничего не было. Чистый пол. Солнце.

Села на край постели – осторожно, как будто кто-то ещё спал. Посмотрела на его стол у окна. Там было всё как всегда – очки в футляре, записная книжка, карандаш. Папа не пользовался телефоном для записок. Говорил, что написанное рукой запоминается иначе.

Я взяла записную книжку.

Открыла наугад.

Там были списки – он любил списки. Что купить, что починить, что не забыть. Страница за страницей – аккуратным его почерком, с датами. Я листала. Купить сетку от комаров на балкон. Позвонить Палычу насчёт смены. Мирре – спросить про практику.

Я остановилась на этой строчке.

Мирре – спросить про практику.

Это было написано месяца три назад. Он так и не спросил – или спросил, и я не запомнила. Или собирался и откладывал. Я не знала.

Я закрыла книжку. Положила обратно – точно так же, как лежала, чтобы ничего не сдвинулось. Встала.

В коридоре надела туфли. Взяла сумку. Проверила – телефон, кошелёк, ключи. Всё на месте.

Я вышла. Закрыла дверь на оба замка.

На улице было душно – с самого утра. Терпеть не могу лето за это. Я дошла до остановки. Поездка в общественном транспорте в такую духоту – уже наказание. И почему я не послушала папу, когда он предлагал мне отучиться вождению? Дура была – это причина первостепенная. А вторая причина гайки крутит в мастерской.

Рядом на лавочке сидела женщина с ребёнком лет пяти. Ребёнок ел мороженое и что-то рассказывал – быстро, без пауз, перескакивая с одного на другое. Мать слушала, кивала, вытирала ему подбородок. Ребёнок не замолкал.

Я смотрела на них и думала о том, что надо будет квартиру обесточить. Что на заводе наверняка какие-то выплаты положены. Что надо разобраться с документами.

Я юрист. Я должна уметь разбираться с документами.

Кладбище было старое, запущенное и никому не нужное, пока не появлялась возможность срубить бабла с очередной убитой горем семьи. Тогда в управлении тут же радостно вспоминали, что кладбище – есть.

Деревья давно переросли оградки. То, что когда-то гордо именовали забором, теперь выполняло роль скорее шутовскую. Перелезть через такой – стрёмно, пролезать меж прутьями – брезгливо. Проще просто повалить целую секцию и победоносно прошагать над поверженным врагом.

Я была здесь один раз в детстве – папа привозил, показывал, где бабушка лежит. Её я не помнила. Помнила только, что было жарко и пахло покошенной травой.

Сейчас тоже было жарко.

У ворот уже стояли люди – как-то неожиданно много. «Наверняка не все пришли на похороны папы,» – ошибочно подумалось мне. Частью они были мне знакомы. Кто в большей, кто в меньшей степени: тётя Рая в чёрном платке, с букетиком гвоздик. Рядом Егор Палыч – крупный, в тёмном пиджаке, плечи чуть топорщились. Ещё несколько человек с завода – я знала их в лицо, но не знала по именам. Папа рассказывал про каждого. Я слушала и не запоминала имён. Теперь жалела.

Люди говорили правильные слова. Я отвечала, как того требуют не мною сформированные культурные нормы. Это происходило будто немного в стороне от меня – я видела себя словно издалека, слышала собственный голос, но ощущение было странное. Словно это делает кто-то другой, хорошо выученный, а я просто наблюдаю.

Священник начал читать.

Я слушала слова и не слышала их. Смотрела на папино лицо – спокойное, закрытое, чуть чужое. Не совсем его и в то же время такое родное. Каждая черта знакомая, но что-то ушло, что-то главное, то, что делало это лицо живым. Я пыталась поймать это ощущение и не могла.

Солнце припекало макушку. Каблук левой туфли чуть проваливался в мягкую землю. Я переступила, нашла место потвёрже.

Вот тогда и почувствовала.

Не увидела – именно почувствовала. Кто-то встал слева, чуть позади. Не вплотную, но так, что ощущалось сразу. На расстоянии шага. Молча. Я не обернулась. Подождала, прислушалась – дыхание, запах, что-то знакомое в том, как этот человек стоит, как занимает пространство.

Мне и не нужно было оборачиваться. Этот парфюм подбирала ему я. До меня он пользовался каким-то удушающе приторным ароматом, от которого дохли все, у кого были хотя бы крохи обоняния. С моим появлением в его жизни – даже просто постоять с ним было весьма приятным занятием.

Илья.

Тёмно-серый пиджак, без галстука. Рубашка застёгнута до верхней пуговицы – неловко, видно, что непривычно. Волосы причёсаны аккуратнее чем обычно, но один вихор на затылке всё равно торчал. Потому что спать ложиться с мокрой башкой – не самая лучшая привычка. Смотрел на гроб. Не на меня.

Я не могла отвести от него глаз. Пускай он сто раз козёл и предатель, но сейчас мне так нужны были его объятия. В его руках всегда было спокойнее.

Он почувствовал взгляд – повернул голову. Наши глаза встретились. Он не сказал ничего – я тоже промолчала. Два крестина на одном квадратном метре.

Я отвернулась.

Священник продолжал. Тётя Рая плакала тихо: слёзы текли, и она их не вытирала, только иногда промакивала уголком платка. Коллеги отца по заводу, школьные друзья, соседи – те, кого мне удалось опознать, – стояли с мрачными лицами. Для них ушел, пускай и отличный, но один из числа друзей.

У меня же ушел мой единственный родной человек. Больше никого.

Опустили гроб. Потом была земля – каждый бросал по горсти. Я стояла в стороне и смотрела, как это делают другие, пока тётя Рая не взяла меня за локоть и не подвела. Я взяла землю. Она была тёплая – нагрелась на солнце. Я не ожидала, что она будет тёплая...

Бросила.

Отошла.

Люди начали расходиться. Говорили мне что-то, я кивала. Кто-то протягивал конверты. Я знала, что в них лежат деньги. И это, без преувеличения, сейчас было очень важной и нужной помощью.

Но почему мне казалось, что я только что продала своего папу?

Я вздрогнула, когда рядом раздался тихий кашель.

Илья был в трёх шагах. Остальные уже ушли – только он.

Мы стояли молча. Я не знаю, сколько: минуту, может больше. Где-то в глубине кладбища куковала кукушка – методично так, без остановки. Я машинально начала считать и остановила себя. Не надо.

– Я те позвонить пытался, – сказал Илья наконец. – Но ты номер сменила.

– Да, – я смотрела на могилу. – Сразу же. И твой удалила.

Он кивнул. Помолчал ещё.

– Он хороший мужик был, – сказал Илья. – Дмитрий Александрович. Когда я у вас бывал, мы с ним часто разговаривали.

– Если речь шла про машины или боевики.

– Так мы ж мужики. Могли и о спорте, но тут я не силён.

– Как ты мил в своей наивности, раз полагаешь, что это единственный твой пробел, – усмехнулась я.

– А мы всё равно разговаривали.

Я знала. Папа умел разговаривать. Он интересовался всерьёз, спрашивал и слушал ответ. Это редкое качество – я поняла это, только когда стала старше. Чуть позже, чем надо было бы.

– Спасибо, что пришёл, – сказала я, повернувшись к парню.

Илья наконец посмотрел на меня. Я выдержала взгляд – смотрела прямо, спокойно. Я умею смотреть прямо и спокойно, когда надо.

– Мирра, – начал он.

– Не надо, – прервала я.

– Я просто хотел...

– Илья, – я сказала это не грубо. Просто твёрдо. – Не сегодня.

Он закрыл рот. Кивнул.

Мы ещё постояли немного. Кукушка где-то в глубине кладбища куковала всё упорнее. И чего не заткнётся?

– Тебя отвезти? – спросил Илья.

– Нет.

– Уверена?

– Да.

Он помолчал. Потом достал из кармана визитку, протянул её мне, а я – дура – машинально приняла.

– Я номер не менял, – сказал он. – Если что.

Развернулся и пошёл.

Кукушка наконец замолчала.

Я не уходила. Долго ещё стояла возле свежего холмика земли, под которым спрятали от меня единственно любимого мужчину. Того, кто любил меня безусловной любовью.

Солнце перевалило за полдень. Тени от деревьев стали короткими и бесполезными – жара шла отовсюду сразу, сверху и от нагретой земли. Гвоздики тёти Раи совсем поникли. Я подумала, что надо будет приехать с нормальными цветами. Посадить что-нибудь – папа любил живые цветы, у него на подоконнике стоял горшок с геранью. Она осталась там. Надо будет забрать.

Я составляла список.

Это помогало – держать в голове конкретные вещи, конкретные задачи. Забрать герань. Разобрать вещи. Позвонить на завод. Оплатить коммуналку за следующий месяц, пока не разберусь с квартирой. Найти папины документы – они лежали в синей папке в ящике стола, я знала.

Где-то за деревьями негромко переговаривались. Чужие люди у чужой могилы, своё горе, своя тишина. Кладбище живёт непрерывной жизнью, это странно и одновременно правильно. Люди приходят и уходят, деревья растут, птицы орут, не переставая – никому нет дела до того, что у тебя случилось.

Я присела на корточки перед могилой. Потрогала землю – осторожно, кончиками пальцев.

– Привет, пап, – сказала я тихо.

Вышло глупо. Я никогда так не делала еще – не разговаривала с могилами, считала это странным. Папа, кстати, тоже считал. Он говорил, что мёртвые не слышат, это живым нужно говорить, а не мёртвым. Я с ним соглашалась.

Сейчас мне было всё равно, кто слышит.

– Тебя тут и нет уже, наверное. Этот хмырь твою душу отвёл. Значит, раз души нет, ты и услышать не можешь.

Пусть это было чрезвычайно странно – мне становилось легче.

– Я у тебя сегодня еще переночую, а потом поеду к Кате. Не хочу я её одну с квартирой бросать. Не потянет она в одиночку. А как решим вопрос, кого ей подселить, я вернусь. И работу где-нибудь рядом поищу. Не хочу мотаться на автобусе.

Вся тяжесть сегодняшнего утра неожиданно пропала. С самого пробуждения я не могла для себя решить – плакать мне или улыбаться? Именно так. Непонятное совершенно и в то же время непреодолимое желание улыбаться взяло верх.

Я встала. Отряхнула колени.

И тогда пришёл холод. Явный признак того, что кто-то потусторонний, померший лет, эдак, сорок назад, с волосами цвета воронова крыла, с таким же вороньим именем и мистически чарующими скулами – облагодетельствовал мир смертных своим визитом.

Всё то же тёмное пальто – вопрос терморегуляции, по всей видимости, сотрудника славянского филиала корпорации загробного мира не волновал. Удобненько.

– Не обессудь, но ничем тебя по голове огреть не могу. Не думала, что ты явишься.

– Я должен был, – ответил он ничуть не теплее распространяемого им холода.

– Кому?

Он не ответил сразу. Смотрел на холмик, на поникшие гвоздики, на табличку с папиным именем – я заказала временную, пока не сделают нормальную. Временная была простая, белая, с чёрными буквами.

– Ему, – сказал Вран наконец.

Это был неожиданный ответ. Я смотрела на него сбоку и чуть снизу.

– Ты его забрал?

– Да. Естественно.

– Когда?

– Той же ночью.

– Ему было больно? – задала я какой-то тупой вопрос, но слов обратно не вернёшь.

– Нет.

– Он понял, что происходит?

– Да, – сказал Вран. – Это не сложно. Бывают такие, кто отказывается верить. Но и они всё понимают.

– И что он?

Вран помолчал. Долго настолько, что я уже думала, ответу не суждено случиться.

– Спросил про твою маму, – сказал он тихо.

Я даже несколько опешила.

– Что спросил?

– Про твою маму. Там ли она? Сможет ли он её встретить?

Вот тут что-то сдвинулось – где-то внутри, глубоко, в том месте, куда я старалась не смотреть. Я почувствовала это физически – как будто что-то тёплое и тяжёлое разжалось. Я сделала вдох.

– И что ты ответил?

– Что не знаю, – как-то даже небрежно сказал Вран. – Откуда ж мне знать? Это в архивы надо идти. А перед этим узнать, как звали маму. Когда погибла – желательно. И где – это очень важно. Может и так оказаться, что она по ошибке в Питрилоке или Шеоле. Тут попробуй за всем уследи. И опять же – без бумажки от Мораны соваться в архив бесполезно. Никто и пальцем не шевельнёт.

– Понятно, – бессовестно соврала я. – А папа?

– Он в Нави.

– Это потому, что он не верил в Христа?

– Это потому, что он умер. Был славянских корней. И проживал на территории, некогда принадлежавшей славянам. Мы ж с тобой сейчас про посмертие говорим, а не про художественную литературу.

– Предельно ясно. А там ему?

– Хорошо. Я не могу ответить точнее. Не потому, что не хочу. У меня нет слов для описания этого места. Обычных слов.

Я опять смогла улыбнуться. Посмотрела на этого чудака самым оценивающим взглядом, как ревизор в номере отеля.

– Тебе не жарко в пальто?

– Нет.

– Ты суточный лимит токенов экономишь? Или просто нравится людей бесить своими односложными ответами?

Вран повернулся ко мне, и я уверена, что заметила улыбку его глаз.

– Он спросил, как меня зовут.

– Папа?

– Да. Мы только встретились, я начал разяснять основы, как, вдруг, он меня перебил, извинился и сказал, что в приличном обществе принято представиться прежде, чем нападать с описанием потусторонних миров.

– Это на него похоже, – сказала я. – Так зачем ты пришёл? О чём попросил папа?

– Присмотреть за тобой. Я сразу ему пояснил, что подобное не реализуемо, и мы уговорились на несколько моих визитов к тебе.

– Значит, – сказала я медленно, – ты здесь фактически на работе.

– Да, – сказал Вран.

– Что ж. Ясненько.

Я подняла сумку с земли. Отряхнула. Посмотрела на табличку последний раз.

– Мне надо на автобус, – сказала я. – В воздухе испаряться не обучена, знаете ли.

– Знаю.

Я едва сдержалась, чтобы не наградить его трёхстопным ямбом.

Автобус шёл долго.

Я сидела у окна и смотрела, как мелькают дома, заборы, магазины, снова дома. Народу было немного. Напротив меня ехала женщина с тяжёлыми сумками, периодически перехватывала ручки, морщилась. Через два сиденья дремал дед, голова покачивалась в такт дороге.

Я смотрела в окно и ни о чём не думала.

Это было новое ощущение – не пустота, не онемение. Тишина внутри. Как будто всё, что копилось последнее время, наконец улеглось.

Папа попросил Врана присмотреть за мной.

Я думала об этом. Папа – который никогда не просил лишнего, который говорил, что взрослый человек должен справляться сам, который ни разу в жизни не позвонил мне в общежитие первым потому, что не хотел мешать – попросил существо, которое пришло за его душой, присмотреть за дочерью.

Это было так по-папиному, что я улыбнулась.

На моей остановке я вышла, дошла до двора. В подъезде было прохладно – старые дома держат температуру, это их единственное неоспоримое достоинство. Я поднялась на этаж пешком, не торопясь.

В квартире было тихо и душно – окна я закрыла утром, солнце за день нагрело комнаты. Я прошла в гостиную, открыла окно. Влетел тополинный пух – июнь, куда без него – и слабый ветер. Лучше, чем ничего.

Я сняла туфли прямо у двери. Каблуки оставили на ступнях красные полосы – я и не заметила, когда натёрла. Прошла на кухню, налила воды, выпила, стоя у раковины. Потом ещё стакан.

Нашла в шкафу футболку, короткие лёгкие шорты. Умылась. Собрала волосы. Посмотрела в зеркало – лучше, чем утром, хотя это был невысокий стандарт.

Я прошла на кухню и заварила себе чай.

Телефон лежал на столе – я посмотрела на экран. Несколько сообщений. Однокурсница Ленка: «Держись, если что звони». Кто-то из группы – соболезнования, копипаст, судя по всему. Тётя Рая: «Приеду в восемь, сделаю поесть».

Я усмехнулась.

Потом увидела последнее сообщение.

Илья. Отправлено двадцать минут назад.

«Мне тётя Рая номер дала. Я тут у завода был мимо. Короч, забрал документы на отца. Мож не мотатся. Могу завтра привезти если скажешь».

Я смотрела на сообщение. Проверила осторожно кончиками пальцев, не потекла ли кровь из глаз. Взаимоотношения между Ильёй и русским языком всегда были до неприличия просты – им было чхать на существование друг друга.

Изображать из себя оскорблённую я не стала и написала: «Спасибо. Да, привези».

Отложила телефон.

Допила чай. Посидела ещё немного. Пошла в гостиную, легла на диван. Закрыла глаза.

Я почти задремала – провалилась в то пограничное состояние между сном и явью, где мысли теряют форму и плывут. Табличка, герань на подоконнике, папина записная книжка, Вран в тёмном пальто на кладбище, Илья с вихром на затылке, кукушка, которая всё кукует и кукует

Стук.

Я открыла глаза.

Не звонок – именно стук. Мы что, пещерные люди? Или? Стучит некто откуда-то, где звонков не завезли?

Я полежала ещё секунду. Стук повторился.

– Кто? – спросила я, подойдя к двери.

– Откройте, пожалуйста, – голос был женский, спокойный, хорошо поставленный. Без интонации. – Нам нужно поговорить.

– Так я не против. Если вам нужно – вы там разговаривайте, не стесняйтесь. В другой раз можете разрешения не спрашивать.

На какое мгновение мне показалось, что я голову сломала этой сущности inferнальной.

– Меня зовут Лидия.

– Вам повезло. Могли Анфисой звать.

И опять тишина на какое-то мгновение. Будет знать, как будить человека в момент, когда он только начал дремать.

– Это по поводу инцидента, произошедшего нед

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.